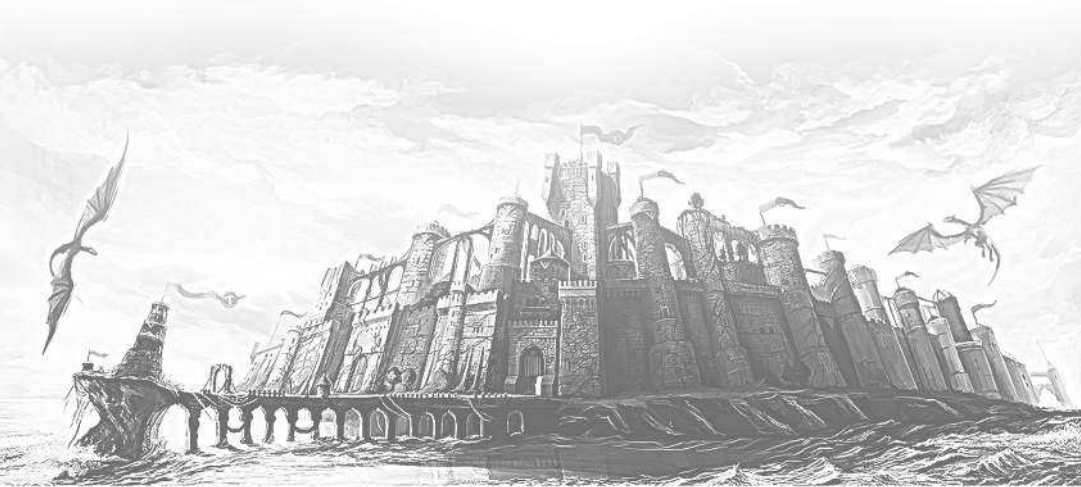

Таня ГроТтер

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Таня ГроТтер

И ПОСОХ ВОЛХВОВ

Москва 2020

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е 60

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 **Таня Гроттер и посох волхвов : [повесть] / Дмитрий Емец.** — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Таня Гроттер. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-83587-4

Между Потусторонними Мирами и миром магов существует строгий закон равновесия. Ничто не может перейти из мира в мир, не нарушив хрупкого баланса сил. Но вот веками оберегаемое равновесие нарушено: из Потусторонних Миров похищено нечто исключительно ценное... Одновременно по Таниной неосторожности в зеркале поселяется сильный дух, который открывает проход между мирами. Три могучих древних бога — Перун, Велес и Триглав — и хранитель мирового древа Симорг требуют вернуть украденное, грозя уничтожить Буян и с ним вместе весь магический мир... Ну а настырный Гурий Пуппер по-прежнему делает все, чтобы завоевать любовь Тани Гроттер. Он сотнями посылает купидончиков и даже... переходит из команды невидимок в сборную Тибидохса по драконболу.

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-699-83587-4

...Душа родная — нос чужой...
Враждуют чувства меж собой...

Е.А. Баратынский

Глава 1

РОДСТВЕННИКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

Самый добрый депутат Герман Дурнев воздел к потолку мутные глазки с белками цвета не-свежей мыльной пены.

— Человеческой подлости и зависти нет границ! Нинель, золотце мое, меня лишили депутатской неприкосновенности, лишили всего! Кто я теперь? Всего лишь почетный председатель В.А.М.П.И.Р. и генеральный директор фирмы «Носки секонд-хенд»! — надрывно заявил он.

— Герман, все же, согласишься, ты сам виноват. Притащиться на встречу с американским президентом в кожаных сапогах со шпорами и со шпагой! Они, конечно, там ковбой, но не до такой же степени. И как тебя только пропустили? Лично я не удивляюсь, что все так закончилось! — осторожно заметила супруга.

Дмитрий Емец

— Да-да-да... Возможно, с моей стороны это было несколько неосторожно. Но что такого особенного в сапогах? Я же послушался тебя и не надел корону! — плаксиво пожаловался Дурнев.

— ГЕРМАН!

— Что «Герман»? Я уже целую кучу лет Герман! А вообще-то, клянусь, американца это позабавило! Он там сидел и от нечего делать рисовал на бумажке танки, а когда я крикнул «А вот и он, больной зуб!» и зазвенел шпорами — тут он как подскочит! А наш президент поморщился и погрозил мне пальцем. Знаешь, будто хотел сказать: «Опять этот Дурнев!» Он меня просто достал! — заявил почетный председатель.

— Германчик, ты забываешь, что было потом! — сказала мадам Дурнева.

Бывший самый добрый депутат отмахнулся от жены, точно от назойливой мухи:

— А что, кто-то еще этого не знает? Да по телевизору целую неделю только это и показывали! На меня навалились охранники и стали выкручивать мне руки. Мне, председателю В.А.М.П.И.Р., депутату! Мне это не понравилось, и я стал сопротивляться. Вообрази, Нинель, я и не предполагал, что такой сильный. Они падали, как кегли в боулинге, а я ведь только толкал их эфесом шпаги и звенел шпорами. Один, здоровенный такой, краснощекий, как помидор, представляешь, задрожал и закрыл шею руками. А я лишь немного задумчиво посмотрел на него.

— Просто посмотрел, и все? Ты уверен, что не пытался его укусить? — с подозрением осведомилась супруга.

Дурнев от возмущения даже передернулся:

— Кусать какого-то охранника с невымытой шеей, который только поливает грязь этим мерзким одеколоном? Фи! За кого меня принимает собственная жена? Да я вообще не переношу вида крови! В детстве мне становилось дурно, стоило уколоть иголкой палец и увидеть красную капельку... Вот слегка поджаренные бифштексы с кровью — совсем другое дело. Но они же не ходят на двух ногах!

Нинель обрушилась на диван, обреченно закрипевший пружинами. Дальше ее муж мог не рассказывать: она и сама все знала. Несмотря на шпагу графа Дракулы, количество восторжествовало над качеством. Германа Никитича скрутили и выставили вон. На другой день многочисленные недоброжелатели Дурнева вынесли вопрос на голосование и лишили его депутатской неприкосновенности, а заодно и мандата. Возможно, Дурнев сумел бы еще на кого-то надавить и выкрутиться, но его пропуск в Думу тоже был аннулирован, так что потомку графа Дракулы некого было замораживать гипнотическим взглядом и не перед кем звенеть шпорами.

— Айседорка Котлеткина сегодня со мной даже не поздоровалась! Прошла, как мимо пустого места. Она уже знает, что ты в опале, — грустно сказала супруга.

— Еще бы. Моей политической карьере пришел конец. Окончательный и бесповоротный. И Котлеткины это понимают. У них нюх, — кивнул председатель В.А.М.П.И.Р.

Дмитрий Емец

Он увязал в болоте уныния.

— Чем ты теперь займешься, Германчик? — стараясь расшевелить его, спросила мадам Дурнева.

Ее хандрящий супруг-вампиرويد задумчиво пошевелил ножками в зеленых носочках. С его стороны это было не самое разумное действие. Такса Полтора Километра, наблюдавшая из-под дивана за прыгающими у нее перед носом дурневскими пятками, не справилась с искушением. Она высунулась, тянула бывшего депутата желтыми старческими зубами и вновь убралась в свое убежище.

Бывший депутат взревел страшным голосом. Он подскочил едва ли не до потолка и попытался отодвинуть диван, чтобы расправиться с собакой. Однако диван и сам по себе был тяжелым. Сейчас же, когда на нем сидела еще и супруга, массивная, как якорь «Титаника», это привело бы к грыже и тибидохского атланта.

Тогда Дурнев замыслил отомстить иначе. Держа укушенную ногу на весу, он на оставшейся ноге (выбор ног у лопухоидов, увы, довольно ограничен) припрыгал к телефону и поспешно пролистал справочник.

— Это зоомагазин?.. — закричал он в трубку. — Скажите, девушка, у вас есть отравы для собак?.. Что вы говорите?.. Пес мучается? Нет, это я мучаюсь! Как не держите? А зачем тогда задавать идиотские вопросы?

Раздраженный Дурнев швырнул трубку на рычажки, бессильно пнул диван и, ушибив пальцы, неожиданно для себя настроился на мирный лад.

— Вечно ты, Нинель... Откуда я знаю, чем займусь? — пробурчал он. — Ну, наверное, пригоню из Европы пару составов с тряпьем. Только знаешь, что в последнее время стали устраивать эти жулики, мои поставщики? Они подмачивают вещи перед продажей на вес! Только я ведь тоже не лыком шит. Я расплачиваюсь с ними не деньгами, а матрешками и буденновками.

* * *

Неожиданно — такие вещи почему-то всегда случаются именно так, а не иначе — звонок в коридоре ехидно задребезжал. Супруги разом вздрогнули.

— Пап, кто-то притащился! — крикнула из своей комнаты Пипа.

— Будто я сам не слышу! Возьми и открой! — огрызнулся родитель.

— Я не могу! Я ругаюсь! — объяснила его дочка.

Она уже третий час сидела в Интернете на форуме фанов Гурия Пуппера и пыталась убедить всех, что Гэ Пэ влюбился в нее и даже присылал ей цветы с купидончиками. Пипе не особенно верили, хотя со злости она так колотила по клавиатуре, точно забивала гвозди. Правда, в одном Пипа с форумцами все же сходилась. Фаны Пуппера тоже в большинстве своем считали, что Таня Гроттер дура набитая, а Гэ Пэ крутой, как вареное яйцо.

— Ладно, доча, не отвлекайся! Ругаться надо долго и со вкусом, а то не получишь удовольствия. Папулечка сам откроет! — сказал Герман Никитич и двинулся к двери.

Дмитрий Емец

Супруга повисла у него на руке.

— Герман, не надо! Не открывай! — взмолилась она.

— Почему?

— Так всегда начинается! С непонятных звонков в дверь. Разве ты не слышишь мелодию? То ли похоронный марш, то ли джига! Эти звуки бывают только в *таких* случаях!

— Думаешь, снова Гроттерша? — вращая шеей, с подозрением спросил Дурнев.

— Не знаю... Давай хотя бы посмотрим, прежде чем открывать!.. Стой! Ты куда? — Мадам на секунду выпустила супруга, и тот, воспользовавшись этим, прорвался к дверям.

— Если это Танька, она пожалеет! Прикончу на месте! Шпага, ко мне! — воинственно зарычал потомок графа Дракулы.

Шпага, звеня от нетерпения, выскочила из шкафа и прыгнула к нему в ладонь. Ей давно уже хотелось кого-нибудь проткнуть, и теперь она только обрадовалась, что хозяин взялся за ум.

Рванув дверь, Дурнев выскочил на площадку и удивленно остановился, никого не увидев. Должно быть, это произошло оттого, что он смотрел слишком высоко. Наконец он догадался перевести взгляд ниже и оцепенел.

Перед ним обнаружился карлик с большой бугристой головой, покрытой не то лишаями, не то заросшими красной шерстью родинками. Его макушка была где-то на уровне пупка бывшего депутата. Однако маленький рост ничуть не лишал карлика самоуве-

ренности. В руках у него была сучковатая, с резными узорами палка из красного дерева, на которую он опирался не без некоторого изящества.

Карлик так и светился от чувства собственного достоинства, которое отнюдь не умалялось тем, что единственной одеждой карлику служила волчья шкура. Он был бос, ноги по колено покрыты грязью — такой жирной и густой, что со стороны близорукому человеку могло показаться, что карлик обут в щегольские хромовые сапоги. Даже для конца октября грязи было явно многовато. Однако самым неприятным в незнакомце были даже не красные родинки и не грязь, а кошмарный запах — резче и отвратительнее, чем от болотного хмыря. Видно было, что карлик принимает душ только при несчастном стечении обстоятельств — когда попадает под дождь.

Пока Герман Никитич тупо разглядывал огромные, не по росту ступни гостя, с ногтями желтыми и крепкими, как черепаховый панцирь, карлик, ничуть не смущаясь, произнес гнусавым голосом:

— Квартира Дурневых? Вот приехал к вам! Жить, то ись, у вас буду!

Ошеломленный такой неслыханной наглостью, хозяин квартиры сумел лишь открыть рот. Рука, в которой он сжимал шпагу, опустилась.

— Ты что, братик, не рад? Своих не узнаешь? Это ж я! — обиделся карлик.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» замотал головой, демонстрируя всем своим видом, что не зна-

Дмитрий Емец

ет и знать не хочет никакого самозванного «я», а заодно «ты», «вы», «оно», «они» и вообще никаких местоимений.

Босяк опечалился. Он еще пару раз фамильярно назвал Германа Никитича братиком, но родственного отклика не встретил. Тогда он вздохнул, поскреб подбородок и стал бить на жалость:

— Ну как же! Я со стороны бабы Рюхи и Шелудивого Буняки! Родная ж, можно сказать, кровинка! — сообщил он, прочувствованно шмыгая носом.

— Не знаю я никакого Рюхина! Убирайтесь! — строго велел председатель В.А.М.П.И.Р.

Карлик не внушал ему доверия. С каждым мгновением Дурнев, обладавший острым чутьем на людей, все определеннее убеждался, что перед ним проходимец.

— Да ты не туды смотри, ты сюды смотри! — засуетился человек, путано, но убедительно чертя что-то пальцем по воздуху. — Вот она, то ись родословная наша: тута баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тетка Хрипуша, тута ее сестры Трясея, Огня и Ледея, а здесь вон плямянник их Пруха. А у Прухи-то сыночек был, Халявий! Припоминаешь? Так я энтот Халявий был и есть!

Дурнев сглотнул. Он впервые слышал о бабе Рюхе и Шелудивом Буняке, равно как и о Прухином сыночке Халявии. С другой стороны, что-то подсказывало бывшему депутату, что отвертеться от настырного родственничка будет непросто.

Пока хозяин квартиры пребывал в растерянности, Халявий, не дожидаясь приглашения, быстро

опустился на четвереньки, прошмыгнул у него между ног и залебезил перед его супругой:

— Решил я, мамуля, у вас пожить. Не прогоните же, то ись. Совсем у нас плохо стало. Ни тебе кроушки попить, ничего... Прямо хучь здесь ложись и подыхай! — объяснил он, мигая слезящимися глазами.

Однако, несмотря на твердое намерение распрощаться с жизнью, родственничек с каждой минутой все больше распоясывался. Он решительно зашаркал грязными ступнями по дубовому паркету, сунул свою палку за шкаф и, оказавшись у вешалки, по ходу дела вытер нос рукавом норковой шубы хозяйки.

Дурнева разглядывала карлика со смешанным чувством ужаса и брезгливости. Тем временем Халявий уселся на пол и, с пугающей ловкостью почесав ухо ногой, бессвязно забормотал:

— Вот такая вот, то ись, наша жись! А тот еще колом... колом осиновым поперек спины... Я от кола то увернулся — да его за ногу. А тут второй из ружья как дребезнет, да серебряной пулей! Вот туточки пролетела мимо уха — свирк... А он уж снова приложился и целится! Едва я успел, значить, «*Темпора моралес*» произнесть...

Неожиданно Халявий осекся, встал, вытянулся по стойке «смирно» и, с беспокойством воззрившись на монументальную фигуру мадам Дурневой, поинтересовался:

— Болтаю, а у самого на языке вертится... Вы-то сами не из циклопих будете, мамаша? Нет? А то у нас в Трансильвании бродят по лесам эдакие фифы, зубы